

С. В. Кулинок

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ УНИЧТОЖЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛАГЕРЕ СМЕРТИ ТРОСТЕНЕЦ

В рамках расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны Генеральная прокуратура Республики Беларусь заявила, что по новым данным на территории лагеря смерти Тростенец за годы войны погибло не менее 546 тысяч человек. Это кардинально увеличивает устоявшуюся и принятую в историографии Беларуси и России цифру – 206,5 тысяч человек (указанную на мемориале).

На основании анализа архивных документов попробуем определить, какая же цифра является более аргументированной.

Прежде всего считаем необходимым отметить тот факт, что данные о 546 тысячах уничтоженных мирных жителях не являются новыми в исторической науке и общественном пространстве не только нашей республики,

но и Российской Федерации, Германии, Польши. В 2003 г. Национальным архивом Республики Беларусь был опубликован сборник документов «Лагерь смерти Тростенец: документы и материалы» [1] (книга вышла тиражом 1000 экземпляров). В сборнике под № 65 без купюр опубликован «Акт Минской областной комиссии содействия работе ЧГК о преступлениях гитлеровцев в районе деревни Малый Тростенец от 25 июля 1944 г.» [1, с. 102–106], в котором на с. 106 приводятся сведения об уничтожении 546 тысяч человек. Этот документ неоднократно печатался в других изданиях, озвучивался учеными на конференциях. Поэтому говорить о том, что это новые сведения, — некорректно! Они уже больше 20 лет введены в научный оборот. Цифра в 546 тысяч уничтоженных не была принята ученым сообществом в качестве окончательной именно из-за ее слабой научной и документальной обоснованности.

Конечно, для понимания и принятия исторически достоверной цифры уничтоженных в лагере смерти Тростенец людей неправильно использовать только итоговые материалы ЧКГ (акты, стенограммы и др.). Это противоречит научно-методологическому подходу при оценке исторического процесса. Однако даже на примере сравнения двух актов ЧГК — «июльского» и «августовского» — можно сделать определенные выводы.

Июльскому акту предшествовал осмотр мест уничтожения людей в окрестностях деревни Малый Тростенец, отраженный в соответствующем Протоколе (от 21.07.1944). В основу подготовки Протокола легли три рукописных акта судебно-медицинского осмотра окрестностей Тростенца. Первый составлен при участии Наумовича, Семенова и Стельмашонка 17 июля. Вот цитата: «17 июля 1944 г. по предложению Гос. Чрезв. Комиссии я, суд.-мед. эксперт вр. Наумович Э. М., воен. юрист Семенов и пред. медицинской комиссии Стольмашонок осмотрели место преступления немецко-фашистских бандитов...» (однако акт подписан только Наумовичем) [2, л. 32–32об]. Читаем второй акт: «17.07.1944 выехав на место преступления с членами комиссии юристом Семеновым, председателем лечкомиссии Стольмашонком и биохимиком вр. Тарановичем обнаружено от вышеописанного сожженного с людьми сарая...» (подписан опять почему-то только Наумовичем) [2, л. 33–33 об]. И третий: «выехав 20–21 июля 1944 г. на место преступления, где немецко-фашистские бандиты расстреливали граждан г. Минска и окружных деревень, я судебно-мед. эксперт Наумович и члены комиссии военюрист Семенов, пред. леч. Комиссии Стольмашонок обнаружили...» (подписан только Наумовичем) [2, л. 34–35об.]. Возникает закономерный вопрос: почему рукописные акты от 17.7 и 20–21.07 подписаны только Наумовичем, хотя выезжала комиссия из 3 или 4 человек? Или реально работал на месте только Наумович? Можем ли говорить о достоверности актов комиссии, когда он подписан только одним членом комиссии из 3 или 4 человек?

Теперь непосредственно о самом протоколе осмотра мест преступления. Отметим ключевые места для определения позиции относительно определения численности уничтоженных в Тростенце:

1) подробное описание кремационной печи с ее размерами;

2) описание и размеры 34 траншей.

Обратим внимание на общий объем указанных траншей – 23 594 м³.

Также необходимо отметить тот факт, что из 34 могил подробно были осмотрены только пять из них (№ 1,3,6,11,34) [3, л. 36–42].

Кратко выделим несколько важных положений июльского акта ЧГК (25.07.1944):

1. «В 1941 г. немцы производили массовые расстрелы в месте Благовщина – вырубленный лес недалеко от самого лагеря на 11-м км от Минска по Могилевскому шоссе. Свои жертвы немцы подвозили специальными эшелонами к дорожно-строительному участку, находящемуся на 9 километре шоссе Минск-Могилев» [1, с. 102–103]. Это значит, что огромные массы людей должны были пешком пройти путь в 2 км. А это, в свою очередь, не могло не остаться незамеченным для разведки партизан, спецгрупп и т.д. Однако документов (системных, с определенной периодичностью), фиксирующих этот факт, не выявлено. Это нам говорит о том, что, видимо транспортировки людей в Тростенец из других регионов были не такими масштабными. Тогда возникает вопрос: за счет каких людей набралась цифра в 546 тысяч?

2. «По показаниям свидетелей, сюда привозили людей, замученных в душегубках. Сложенные в могилу трупы засыпали землей и утрамбовывали гусеничными тракторами». Укажем, что в душегубках в основном привозили людей из Минского гетто, Минской тюрьмы и лагеря на ул. Широкой. В душегубках смерть от удушья начиналась после 7–10 минут транспортировки. То есть еще в пределах города. Таким образом, формально Тростенец не является местом уничтожения «удушенных». А является местом их захоронения и утилизация. И есть вероятность того, что эти люди могут быть подсчитаны дважды – как уничтоженные в «душегубке» и как «сожженные в печи» уже в лагере.

3. «С осени 1943 года расстрелы людей в Благовщине прекратились. Чтобы скрыть следы неслыханных злодеяний, немцы начали раскапывать могилы, извлекать трупы и сжигать их...».

4. «С осени 1943 года немцы не зарывали трупы расстрелянных. Для уничтожения трупов замученных, ими была построена специальная печь в укрытом лесом месте в урочище Шашковка (0,5 километров от лагеря)». Относительно подсчетов уничтоженных в кремационной печи в Шашковке можно привести приблизительные подсчеты. Размеры печи известны и зафиксированы. Есть свидетельские показания, что сожжение началось в декабре 1943, ну, может, чуть раньше, в октябре 1943. Действительно, восемь месяцев до освобождения печь работала без перерыва. Хотя, по показаниям свидетелей, «Ночью печь не топили, т. к. немцы боялись налета советских самолетов» [4, л. 3а–3в]. Исходя из размеров печи, установлено, что ежедневно там могло уничтожаться до 200 трупов. Добавим к этому, что сжига-

ние одного расчлененного трупа в русской печи при употреблении дров – 20 часов. А тут трупы не расчлененные, плотно уложенные штабелями и печь фактически под открытым небом.

Почему мы называем эту цифру? Потому что есть показания роттенфюрера СС Эрика Хансена, который рассказывает об аналогичной акции в Рогачеве (операция «Метеосводка»). Есть показания Степана (Сергея) Пилунова – участника рабочей команды в рамках «Акции 1005» под Могилевом. Можно посчитать: 200 трупов умножить на 30 дней в месяц – получается, что 6000 трупов сжигалось в месяц. И 6000 умножить на 8 месяцев, когда работала печь, = 48 000, с допущением – 50 000. Цифра эта подтверждается и выводами Логинова (или наоборот), и свидетельскими показаниями! Какие у нас есть основания не принять эту цифру?

Важным моментом представляется тот факт, что в июльском акте отсутствует какая-либо методология подсчета количества уничтоженного населения. Если в августовском акте (стенограмме) она присутствует (об этом ниже), хоть и с замечаниями, то здесь ее нет вообще! Кроме того, как известно из протока осмотра от 21 июля, детально изучены были только пять из 34 могил (№ 1,3,6,11,34). На основании чего сделан такой однозначный вывод? Методологии подсчета нет, обследовано только 5 из 34 могил, показания свидетелей разнятся. А делается конкретный вывод о 546 тысячах. Это оценка вызывает вполне логичное и серьезное сомнение.

И еще один важнейший момент. Акт комиссии ЧГК – это коллегиальный документ. Так вот, акт от 25.07.1944 г. не подписали 5 из 9 членов комиссии, в том числе председатель комиссии Герой Советского Союза В. И. Козлов [2, л. 25]. Исходя из этого вообще возникает вопрос о легитимности указанного документа. Его подписало меньше половины членов комиссии, в том числе нет подписи и председателя В. И. Козлова. Или, как минимум, это вызывает вопросы об использовании указанного акта как единственного серьезного доказательного аргумента по цифре 546 тысяч уничтоженных.

Добавим к этому, что в рукописном варианте июльского акта та его часть, где говорится о 546 тысячах уничтоженных, вообще перечеркнута [2, л. 28].

Рассмотрим стенограмму и августовский акт. Прежде всего отметим, что к этому времени в состав комиссии председателем был включен член ЧГК СССР академик Бурденко, и участники нового состава «побывали в этих местах, где происходили расстрелы, сжигания людей и т.д.» [5, л. 12].

Методика подсчета трупов, которая обсуждалась на страницах стенограммы, сводится к первоначальным предложениям Смольянинова о том, что в 1 м³ «содержится» 20 трупов. Кстати, это и дало итоговую цифру в Благовщине: общий объем ям 23 594 м³ умножить на 20. Это будет 471 880 человек. Однако академик и главный врач Советского Союза Бурденко справедливо отмечает: «Попутно я должен сказать по отношению работы Вашей комиссии. По-моему, одно не правильно учтено, что в 1 куб метре 20 трупов. Это невероятно. Если профессор Смольянинов дает объем трупов..., то это

трупы голые, а трупы имеют одежду и обувь, они занимают большой объем» [5, л. 15–16] (добавим к этому тот факт, что, например, в траншее № 1 «лежит пять рельсов», в траншее № 3 «лежит несколько обуглившихся сосновых деревьев толщиной от 10 до 20 см и ветви хвороста», в траншее № 11 «идет слой в 60 см пепла с костями, накрытый сосновыми ветвями». Это еще больше снижает количество трупов на 1 м³). Именно поэтому Бурденко принимает сторону Логинова, который предлагает считать среднее количество трупов на 1 м³ в числе 7 или даже 6 (чуть больше 6). Этот вывод был сделан Логиновым в ходе обследования аналогичных захоронений в окрестностях Минска. И это является универсальной методикой, применимой и к Тростенцу. Именно поэтому Бурденко констатирует: «Цифры, представленные тов. Логиновым я проверял сегодня утром и считаю, что он правильно подсчитал...» [5, л. 16].

Исходя из этой методики считаем: $23\,594 \times 6,3 = 148\,642$ человек (почти 150 тысяч).

Интересный факт, который трудно объяснить. Если председатель Областной ЧГК Герой Советского Союза В. И. Козлов был не согласен с выводами работы «второй» комиссии и считал расчеты «своей» верными, то почему не обозначил это? Почему не выступил с заявлением, которое было бы зафиксировано в стенограмме. Вместо этого Козлов указывает: «От имени комиссии мы также выносим благодарность генерал-полковнику Бурденко. В отношении редакционной комиссии есть предложение ввести следующих товарищей: Логинова, Стельмашонка, Смольянинова, Лынькова, Крапиву, Макарова, Машкова» [5, л. 18]. Таким образом, Козлов полностью принял все результаты обсуждения и предложенные цифры!

Итоговый акт от 13 августа, кстати, подписали 10 человек, в том числе и Козлов. По результатам этого акта констатировалось: в Благовщине – до 150 тысяч, в сарае – 6,5 тысяч. Цифра в 50 тысяч уничтоженных в Шашковке приводится в справке Логинова (от 25 августа 1944 года)! А дело в том, что работа по установлению количества жертв была продолжена и не остановилась – и цифра в 50 тысяч – это как раз результат этой работы.

Дополнительно рассмотрим основные данные о способах уничтожения населения в Тростенце (расстрелы, душегубки, «сожжения в печи»). Из архивных документов очевидно, что в Тростенце применялись три основные формы уничтожения людей: расстрелы, убийство в «душегубках» и сожжения в печи. Рассмотрим более подробно эти способы исходя из тех архивных материалов, которые имеются.

Сделаем некоторые проекции, хоть и весьма приблизительные, относительно масштабов расстрелов.

Итак, в апреле 1944 г. указывалось, что в «окрестностях Минска у концлагеря Малый Тростенец, в лесу Галиково, специальной командой СД производятся массовые расстрелы населения. Уничтожается ежедневно по 150–180 человек» [6, л. 173]. Возьмем самые большие показатели. Расстрелы начались в ноябре 1941 г. и продолжались до октября 1943 г. – это 23 месяца. Это очень грубо, очень приблизительно, но это цифры по максимальному показателю. $180 \times 30 = 5400$ человек в месяц. $5400 \times 23 = 124\,200$ человек толь-

ко расстрелянных. Еще раз замечу, что это по заведомо высоким цифрам. Расстрелы были далеко не каждый день и не по 180 человек. Тем не менее будем учитывать этот показатель.

Второй вариант подсчета. В этом же документе отмечалось, что «С 1 февраля с.г. по настоящее время [по 1 апреля. – С.К.] расстреляно 5000–5500 человек». Таким образом за месяц уничтожалось в среднем 2750 человек. Умножаем 2750 на 23 = 63 250 человек. Даже если добавить сюда 6 месяцев 1944 г. (16 500), то получится менее 80 тысяч! Конечно, это очень условный показатель, но и он нам показывает, что масштабы расстрелов не превышают даже 100 тысяч, при том, что за основу подсчета взяты «пиковые» количественные данные.

Относительно сожженных в печи – мы об этом писали выше. Реальная цифра – около 50 тысяч, с вероятными допущениями до 10 %.

И третий способ умерщвления – «душегубки». Первые такие машины сошли с конвейера летом 1942 г. в количестве всего 20 штук. Известно о производстве фургонов 2 типов: на 30–50 человек и 70–100 человек. Душегубки использовались в первую очередь в Минске и для уничтожения евреев Минского гетто. По свидетельским показаниям, в такую машину вмещалось около 60 человек и ежедневно могло проводиться 4–5 рейсов. Таким образом, по самым завышенным подсчетам в день до 300 человек могло травиться в «душегубках». Они стали действовать с июля 1942 г. и работали до уничтожения Минского гетто в октябре 1943 г. Это 16 месяцев. Итак, 300 X 30 = 9000 (в месяц). Умножаем на 16 = 144 000 (это при том, что всего за годы Второй мировой войны отравлено было 700 тысяч). Это при условии ежедневной «работы». Без ремонтов. Хотя совершенно очевидно, что «душегубки» использовались системно в первую очередь в период погромов в гетто. То есть всего 4–5 раз. Кроме того, в Минске просто не было столько людей!

Тем не менее даже при самых завышенных и заоблачных подсчетах мы имеем:

124 000 расстрелянных;

144 000 «удушенных», хотя эта цифра меньше в 8–10 раз;

50 000 сожженных в печи.

Итого: 318 000. О каких 546 000 можно говорить, если мы цифру в 318 тысяч набрали по самым заведомым и завышенным подсчетам!

Если же эти подсчеты сделать более адекватными, наложив на них «пиковые» точки уничтожения и погромов в гетто, облавы в Минске, прибытие эшелонов из Европы и т.д., то даже в этом случае цифра будет менее 200 000 тысяч.

На Нюрнбергском процессе Тростенец упоминался наряду с еще одним концлагерем – Озарици. В сборнике документов «Нюрнбергский процесс» над главными немецкими военными преступниками в томе 4 (1959 г.) представлен от СССР документ № 38 «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Минске». В нем указываются цифры: 150 тысяч уничтоженных в Благовщине и 6,5 тысяч – в сарае, что коррелирует с 206,5 тысячами.

Согласно статье № 21 Устава Нюрнбергского трибунала, «...Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций». То есть документы ЧГК и цифра в 206,5 тысяч, представленная в Нюрнберге, – это аксиома, которую приняло все мировое сообщество в качестве доказательной базы!

Будем ее пересматривать? Если «да», тогда для общественности необходимо представить убедительную доказательную базу, основанную на документальных источниках, всесторонне верифицированную с научной точки зрения.

Выводы.

1. Данные о 546 000 уничтоженных в Тростенце категорически нельзя отнести к «новым». Они были хорошо известны и научно введены в оборот в начале 2000-х годов. Историческое и научное сообщество это цифру не приняло в силу ее бездоказательности.

2. О трагедии в Тростенце опубликован значительный комплекс документов. Делать обоснованные выводы о 546 тысячах на основании лишь одного документа (июльского акта), без соотнесения данных с другими фактическими материалами, без построения (реконструкции) исторических событий, связанных первоначально с уничтожением людей и дальнейшей «утилизацией» трупов, – некорректно!

3. По какой причине 17 июля в распоряжение Областной ЧГК направлены дополнительно новые члены для включения? Видимо, работой комиссии в первом составе на начальном этапе были недовольны. А саму «работу эту предложено провести максимально быстро».

4. Есть вопросы относительно оценки первичных (рукописных) актов осмотра мест в Тростенце. В документе указаны по 3–4 члена комиссии, но акты подписывал только один человек – Наумович. Почему так? Были ли Семенов, Таранович и другие на месте осмотра?

5. Июльский акт: его не подписало 5 членов из 9, в том числе председатель Козлов. Заметим, что в документе нет никакой методики подсчета. В рукописном варианте акта сведения о 546 тысячах зачеркнуты. Почему цифру включили в машинописный вариант? Отметим, что итоговая цифра в Благовщине выводится при условии детального вскрытия только 5 могил из 34. Насколько это объективно?

6. Августовский акт и стенограмма предлагают методику подсчета, хоть и не идеальную и допускающую небольшие расхождения. Тем не менее эта методика использовалась комиссиями ЧГК и в других республиках. Все члены комиссии акт подписали. Председатель Областной ЧГК ни словом не возразил по поводу новых цифр, которые приведены в августовском акте.

7. Анализ основных форм уничтожения населения по имеющимся архивным материалам при кратном завышении показателей показывает цифру в 318 тысяч. Отмечу, при очень грубом подсчете в сторону завышения! И близко не вырисовывается цифра 546 тысяч.

8. На основании аналогичных примеров из архивных документов можно установить близкое к истине количество сожженных в урочищах Шашковка – 50 тысяч и Благовщина – 150 тысяч, в сарае на краю деревни Малый Тростенец – 6,5 тысяч. Всего 206,5 тысяч человек.

9. На Нюрнбергском процессе представлена была цифра 150 тысяч в Благовщине и 6,5 – в сарае. То есть августовские цифры. Материалы ЧГК в соответствии со статьей Устава Трибунала № 21 признавались верными на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лагерь смерти Тростенец : документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2003. – 292 с.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1569. Оп. 1. Д. 104.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. Оп. 87. Д. 123. Ч. 1.

4. ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 87. Д. 124.

5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1569. Оп. 1. Д. 104.

6. ЦА ФСБ России. – Ф. К-72. Оп. 1. Д. 10.